

0664

HARLEQUIN®

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Виктория Маркер

ЗАМЕНИТЬ ТОБОЙ ВЕСЬ МИР

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Виктория Паркер

Заменить тобой весь мир

«Центрполиграф»

2013

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Паркер В.

Заменить тобой весь мир / В. Паркер —
«Центрполиграф», 2013 — (Любовный роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-07073-9

Когда король поручил вернуть Лукасу Гарсии свою непокорную дочь домой, тот подумал, что его ждет очередная рутинная работа. Его заблуждение длилось ровно до того момента, пока он не встретил строптивую принцессу Клаудию Верболт, не желавшую возвращаться в страну, из которой ее когда-то изгнали. Лукаса и Клаудию неудержимо потянуло друг к другу, даже несмотря на то, что за проведенные вдали от дома годы принцесса обрела независимость и стала бесконечно далека от предписанной ей роли. Вот только Лукас не тот человек, которому можно перечить...

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-07073-9

© Паркер В., 2013
© Центрполиграф, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Виктория Паркер

Заменить тобой весь мир

Victoria Parker
Princess in the Iron Mask

Princess in the Iron Mask
© 2013 by Victoria Parker

«Заменить тобой весь мир»
© «Центрполиграф», 2016

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2016

* * *

Глава 1

«Лукас, друг мой, прошу тебя об одолжении». Об одолжении?

Лукас Гарсия многое повидал и пережил, и в его представлении слово «одолжение» в обязательном порядке включало в себя гранаты и винтовки или, в крайнем случае, заплыв в мутные воды международных скандалов. Но никак не поездку в Лондон, где ему предстояло отыскать забывшуюся девчонку, наплевавшую на волю отца и не интересующуюся ни родиной, ни семьей.

Чувствуя смесь злости и неприятной рези в желудке, Лукас спрятался под полосатым зонтиком кофейни на Регент-сквер, не желая мочить дизайнерские туфли под унылым майским дождем.

– Ужасный город, – выдохнул он сквозь зубы, чувствуя, как холод и сырость подступают к телу сквозь купленный на Сильвер-Роу костюм. Качнув головой, он пристально взгляделся в стеклянные двери ведущего Лондонского биомедицинского исследовательского центра, дожидаясь, когда же появится его текущее задание.

Клаудиа Тиссен.

«Лукас, верни ее домой. Только ты справишься там, где другие потерпели крах».

Последние три года он занимал пост главы Агентства национальной безопасности Арунтии, успешно выполняя множество сложнейших поручений и четко придерживаясь раз и навсегда установленного морального кодекса, подразумевавшего честь, защиту и подчинение, но это...

«Я пишу, я прошу, но она глуха ко всем моим мольбам».

Покрутив шейю, Лукас попытался ослабить накопившееся напряжение, что неуклонно росло с тех пор, как он два дня назад покинул кабинет коронованного начальника.

Кем надо быть, чтобы отвернуться от своего наследия и причитающихся по рождению прав? А заодно променять роскошное тепло и негу родной Арунтии на опасный город из стекла и бетона, где процветают порок и беззаконие?

Стоило ему лишь задаться этим вопросом, как почти сразу же из черного такси вылез ответ с солидной стопкой бумаг. Пальто, серый элегантный костюм, черные туфли, собранные в пучок роскошные темные волосы, огромные очки в поллица... Лукас невольно залюбовался широким ремнем на тонкой талии, что подчеркивал женственные изгибы.

Принцесса Клаудиа Марисса Тиссен Верболт.

Сутулясь под дождем, она казалась какой-то... на удивление уязвимой. Тяжело сглотнув, Лукас буквально чувствовал, как она нервничает, борясь с сумочкой и боясь опоздать на встречу, которая его стараниями вообще не состоится.

Выпрямившись, Лукас с огромным трудом поборол желание броситься ей на помощь, только чтобы с ее лица исчезло выражение загнанного животного, и благодаря многолетним тренировкам заставил себя сосредоточиться на работе, напомнив, что выражение ее лица его не касается.

Взглянув на платиновые швейцарские часы, Лукас снова перевел взгляд на мужественно пробирающуюся через лужи принцессу.

Он годами учился находить слабые места противников и без труда справлялся с серийными убийцами, а она всего лишь биохимик, и это задание должно было бы показаться ему легкой пляжной прогулкой, но все же...

– Бог ты мой. – Застыв на пороге собственной совершенно пустой лаборатории, Клаудиа Тиссен судорожно вцепилась в дверной косяк и посмотрела на часы.

В любой другой день она только обрадовалась бы одиночеству, но сегодня, когда ей нужна была целая толпа спонсоров с набитыми карманами денег, здесь было так же пусто, как и на Рождество.

Клаудиа вся съежилась.

Она опоздала. Опоздала на целых двадцать минут. Вынуждена была зайти в детское отделение той больницы, где уже несколько недель собирала данные, да еще этот бесконечный дождь...

А сколько сил она потратила, сутки напролет готовясь к этой встрече... В первую очередь морально. Даже сегодня без успокоительных не обошлось. Но, несмотря ни на что, она все же твердо верила, что все будет не напрасно.

Невидящим взглядом Клаудиа уставилась на собственное лицо на плакате, прочитавшем ее в лучшие биохимики года. Она, как никогда, близка к созданию лекарства от ювенального дерматомиозита, близкого сердцу детского заболевания, но ей не на что продолжать исследования. Полтора года работы закончатся ничем, и ей некого в этом винить, кроме самой себя.

Сменив пальто на белый халат и погружаясь в привычные волны ненависти к самой себе, Клаудиа сняла очки и уткнулась лицом в холодные ладони.

– Мог бы сегодняшней день быть еще хуже?

– Извините, мисс...

Клаудиа резко обернулась:

– Кто вы такой? – Попятившись от неожиданности, она пристально всмотрелась в заполнившего дверной проем мужчину. – И как вы сюда попали?

И как под ним только пол не дрожит? Или это не ее трясет от нервов, а именно дрожит пол? Наверное. Ведь не может же это быть никак связано с потрясающим великолепием незнакомца? Мужчины никогда не производили на нее особого впечатления, да тем более такого, чтобы ее трясло от пяток до макушки.

Поразительной красоты черты лица, бронзовый загар, черные вьющиеся волосы, рост за метр восемьдесят, дорогой серый костюм, белая рубашка... От незнакомца так и веяло властью и силой. А чего стоил один шелковый малиновый галстук, завязанный виндзорским узлом, что яснее всяких слов говорил об уверенности и самодостаточности... Клаудиа почувствовала, как внутри ее что-то сжалось, но от страха или зависти, она так и не поняла.

– Простите за вторжение, но дверь была открыта, – протянул он с легким акцентом, скользнувшим по ее нервам, словно невесомый пух одуванчика.

Чувствуя, как по спине бегут мурашки, Клаудиа машинально расправила бесформенный лабораторный халат, стараясь убедить себя, что дело всего лишь в отвратительной британской погоде. Глубоко вдохнув, она собралась с силами и подняла глаза, чтобы встретиться с ним взглядом. Сама по себе достаточно высокая, Клаудиа вдруг почувствовала, как от этого простого действия, от того, что ей приходится поднимать глаза, чтобы поймать взгляд мужчины, кровь в жилах побежала быстрее. Вот только каменная физиономия незнакомца сразу же давала понять, что она впустую тратит телесный жар и энергию.

Да кем он вообще себя возомнил? Ворвался к ней в лабораторию, а теперь еще и смотрит так, словно она ему весь день испортила?

– Вам не следует здесь находиться, – выдохнула она, все еще не в силах восстановить душевное равновесие.

Она не просто испортила один день тысячам детей, но и разбила все их надежды на счастливое здоровое будущее. Если ей только не удастся каким-то образом перенести несостоящуюся встречу. Черт, почему они так быстро разошлись? Всего двадцать минут и...

Ее разум одновременно устремился в трех разных направлениях.

– Подождите, вы пришли на собрание спонсоров?

Может, он один из тех богатеев, что ей и нужны? Тогда она сможет воззвать к его лучшей половине и... Разумеется, если эта половина у него вообще есть. Потому что даже сшитый на заказ костюм не скрывал натуры, замершей на самой грани цивилизованности.

Покачав головой, он разом добил ее еще не успевшую воспрянуть надежду.

– Меня зовут Лукас Гарсия, – объявил он, словно вышедший на арену гладиатор. Глубоко посаженные синие глаза, высокие скулы, квадратная челюсть... Как же он похож на бронзовую статую! Прекрасную, но вечно холодную.

Клаудиа невольно вздрогнула:

– Похоже, мистер Гарсия, вы потерялись.

Он надменно улыбнулся:

– Уверю вас, я никогда ничего не теряю.

Сложно в этом усомниться. И уж тем более он никогда не упустил бы случая заполучить три с половиной миллиона фунтов.

У нее разом сжалось сердце. К чему жить, если она так и не сумеет оградить других от того, что ей самой довелось перенести? Нет, разумеется, она понимала, что у большинства этих детей есть любящие, заботливые семьи, тогда как ее саму бросили в двенадцать лет, но им же все равно приходится выносить бесконечную боль и жалость окружающих. И столь же нескончаемый стыд. Как и с большинством детских заболеваний, с возрастом симптомы угасают, вот только она на собственном опыте убедилась, что к этому времени уже слишком поздно залечивать душевные раны.

Прикрыв глаза, Клаудиа глубоко вдохнула. Она была так близко, что уже чувствовала на губах сладкий вкус победы. Или это аромат незнакомца? Черт, да что с ней такое?!

– Мне надо обсудить с вами срочное дело.

Этот голос...

– Мы раньше встречались? – Было в нем что-то отдаленно знакомое.

– Нет.

Ноги на ширине плеч, сцепленные за спиной руки... Ей сразу же захотелось встать по стойке «смирно», да и вообще она еще ни разу не встречала настолько властного мужчину. Было в нем нечто военное. Правда, нельзя сказать, чтобы у нее был большой опыт. Одним из недостатков самовольной ссылки стало то, что она мало общалась с людьми. Но это уединение несло в себе и огромный плюс: она ни с кем не сблизилась и не обжигалась. У нее никого не было, и это ее вполне устраивало. Никаких прикосновений к телу, разуму и душе, никаких слез.

– Мистер Гарсия, я очень занята, – она натянула рукава халата так, чтобы закрыть запястья, – и если вы не возражаете...

Поймав на себе пристальный взгляд, она разом замолчала.

Да сколько можно?!

– Чего вы хотите?

– Могу я войти? – спросил он и, не дожидаясь ответа, шагнул вперед.

И стоило ему лишь слегка приблизиться, как слово «нет» замерло у нее на губах. На негнущихся ногах Клаудиа спряталась за стол, чтобы сохранить между ними хоть какое-то расстояние.

Остановившись посреди лаборатории, он принялся поглощать ее лицо таким жадным взглядом, словно годами умирал от голода. Застыв, словно замороженная, Клаудиа невольно вглядывалась в его огромные глаза.

Чувствуя, что еще немного и сердце выскочит из груди, она моргнула и постаралась отвести взгляд. Что вообще сейчас происходит?

– Почему вы так на меня смотрите?

– Ты похожа на... – Лукас моргнул, и на его лице отразилась странная смесь удивления и отвращения, словно он сам не мог толком понять, что думает и чувствует. Он даже не заметил, как они перешли на «ты».

И вдруг на нее разом нахлынуло прошлое, и Клаудиа невольно отшатнулась. Сколько же раз она видела такие лица, пока их обладатели разглядывали ее истощенное детское тело, покрытое отвратительной сыпью...

Черт, почему она снова об этом думает?

– Кого? – Она попыталась найти очки на ощупь.

Он почти улыбнулся:

– Ты похожа на мать.

Клаудиа замерла.

Стеклопанельная дверь и лампочки вдруг взорвались и осыпали ее осколками того упорядоченного гладкого мирка, что ей удалось вокруг себя возвести.

Какая же она все-таки дура. С головой уйдя в работу и засмотревшись на прекрасное лицо незнакомца, она все упустила.

Имя, голос, властность.

– Тебя прислали родители.

Нет, нет, нет! Она не вернется в Арунтию. Не сейчас. А может, и вообще никогда. Туда она возвращалась лишь в воспоминаниях в самые трудные минуты, чтобы убедиться, что самой по себе ей все равно лучше, чем там.

– Да. – В его словах было столько ледяной холодности, что Клаудиа снова вздрогнула, мгновенно вспомнив детство, полное заносчивой отстраненности и враждебной нетерпимости родителей.

И именно их нетерпимость и нежелание ждать стали для нее приговором. Потому что ни один доктор не мог разгадать ее болезнь, и ее спланировали в Англию под присмотром учителей, воспитателей и педиатров, а так называемые любящие родители разом забыли о ее существовании.

Они предали ее самым непростительным образом.

Стараясь справиться с болью в груди, Клаудиа крепко зажмурилась.

Не нужно быть гением, чтобы разгадать их послание. Этот человек может означать лишь одно: им что-то нужно, и настроены они крайне серьезно.

Что ж, похоже, ей снова предстоит нелегкая борьба.

Вот только хватит ли у нее на этот раз сил?

Боясь упасть, Клаудиа оперлась руками о стол.

У нее нет выбора. Надо бороться, потому что родителям не нужна такая несовершенная дочка. Нельзя дать им еще одну возможность сделать ей больно.

Но не успела она еще додумать эту мысль, как на нее накатила волна новых воспоминаний. И просто плохой день стал совершенно отвратительным.

###

Лукас всегда безошибочно определял шок, но сегодня впервые за всю свою взрослую жизнь испытал это чувство сам. Разглядывая побелевшее безупречное лицо и огромные кошачьи янтарные глаза, он буквально чувствовал, как шок обрубают связь между голосовыми связками и мозгом.

Очки и темные вьющиеся волосы превратили Клаудию Тиссен в копию матери. Вот только весь облик Мариссы Верболт пронизывала сила, а ее дочь казалась на удивление хрупкой. Видя, как она согнулась и прижала руку к плоскому животу, он почувствовал нечто подозрительно напоминающее вину.

Уязвимая и робкая. Эти качества преследовали его в кошмарах, от которых он просыпался в холодном поту.

Вот только его реакцию на эту женщину никак нельзя было назвать холодной. Даже наоборот. Внезапная сила яростного желания ножом вонзилась ему в плоть.

Ему хватило одного взгляда, чтобы разглядеть в Клаудии незаурядный ум, а он первым готов был признать, что предпочитал простых и незамысловатых, как конфетка, женщин. Да и закутанная в белый халат, она куда больше походила на бесполого ученого, чем на гламурную кошечку, так почему при одном лишь ее виде у него сразу же поднялась температура и сгустилась кровь?

Нахмурившись, Лукас постарался взять себя в руки и вспомнить заранее заготовленные слова.

Dios, почему ему кажется, что перед ним самая прекрасная в мире женщина? Похоже, даже несравненная красота королевы не идет ни в какое сравнение с великолепием ее дочери.

– Ну что ж, мистер Гарсия, – собравшись с силами, Клаудиа приняла поистине королевскую позу, – раз вас прислали мои родители, значит, наверняка у вас есть для меня какое-то сообщение. – От ее слов так и веяло холодом. – Можете считать, что вы мне его уже передали.

Она указывает ему на дверь?

Но что за...

Осознание подействовало на него не хуже прямого удара в лоб. Мнимая уязвимость – всего лишь маскировка, призванная спрятать ее в обществе ничего не знающих о ней людей.

Просто поразительно, сколько в ней от Верболтов. Радуюсь, что она сама напомнила ему, почему он здесь оказался, Лукас судорожно стиснул кулаки, впиваясь ногтями в ладони.

Тупая боль отрезвила, помогая хоть немного взять себя в руки.

– Первое ваше предположение действительно верно. Ваши родители хотят вам многое сказать. – Они уже два месяца слали ей бесконечные письма, умоляя вернуться в Арунтию, но все их просьбы были напрасны, она просто пропускала их мимо ушей. – Но я прослежу, чтобы на этот раз их слова до вас дошли.

Неужели она всерьез верит, что сможет вечно избегать родных? Как она вообще осмелилась бросить им вызов и послушаться, высказав столь явное пренебрежение родителями и родиной?

Эта женщина просто бесчестна.

Осторожно, словно пробираясь по минному полю, Лукас продумал следующий шаг.

– Прошу прощения, ваше королевское высочество. – Каким бы человеком она ни была, она в любом случае выше его статусом, и он специально назвал ее титул, чтобы проверить реакцию. Но бледное лицо не дрогнуло, лишний раз подтвердив его уже сложившееся мнение. – Как я уже сказал, меня зовут Лукас Гарсия, и я глава Агентства национальной безопасности Арунтии.

– Примите мои поздравления, рада за вас, – протянула Клаудиа, приподнимая черную бровь идеальной формы.

Лукас, как замороженный, наблюдал, как капризное упрямство сменяется чем-то подозрительно напоминающим недовольную жестокость.

Вот и замечательно. Еще вчера он рассчитывал на встречу именно с такой женщиной. С такой противницей он обязательно справится.

– Благодарю. – Поймав на себе оценивающий взгляд, он охотно ввязался в противостояние силы воли, не желая уступать ни сантиметра, чувствуя, что с удовольствием стоял бы и смотрел на нее весь день. Что ж, раз она желает мериться силой, он охотно принимает вызов.

– Как поживают мои любящие родители? – спросила она елейным голосом, разрушив окутавшие его чары, и сразу же принялась переключать стопки бумаг на столе.

– Король Генри и королева Марисса желают вас видеть, – ответил он, с интересом наблюдая за ее действиями.

Тихо довольно застонав, как пристало стонать лишь в спальне, Клаудиа, оперевшись на груды бумаг, потянулась так, что белый халат обтянул приятные изгибы пониже спины и слегка задрался, позволяя оценить изящные лодыжки и стройные загорелые икры. Судорожно сглотнув, Лукас как раз успел поднять глаза, когда она повернулась, напялив на нос уродливые очки.

Разрываясь между желанием сорвать это убожество или хотя бы поправить так, чтобы они сидели ровно, Лукас тихо выругался. Черт, он же вообще не должен ничего чувствовать! Она всего лишь очередное задание.

– А я их видеть не желаю.

– Сочувствую. Но они желают, чтобы вы немедленно вернулись в Арунтию. Мне приказано сопроводить вас домой.

Уперев руки в роскошные бедра, красotka одарила его гневным взглядом:

– Мистер Гарсия, я не какая-нибудь там посылка. И если вы желаете немедленно отыскать дверь, она все еще прямо за вами. Если я когда-либо захочу провести отпуск в Арунтии, я уж как-нибудь туда доберусь. Эскорт мне без надобности.

Лукас нахмурился. Больше всего ей бы сейчас пригодилась отличная...

– И более того, я в любом случае сейчас не могу покинуть Англию.

– Вы не хотите встретиться с семьей? Вернуться на родину? – Неужели он всерьез рассчитывает пробудить в ней чувство вины?

– Не слишком. – Точеные скулы все же слегка размялись.

Неужели она все-таки смутилась? Но не успел он еще прийти ни к какому заключению, как ее руки безвольно опустились, и она так сильно закусила нижнюю губу, что на ней выступила капелька крови, которую она сразу же слизнула.

Мисс Верболт сама себя наказывает, или под наигранным спокойствием скрывается целая буря чувств? Скорее первое. Будь в ней хоть на грамм совести, она бы уже давно вернулась домой.

– Если они так отчаянно мечтают со мной встретиться, почему сами сюда не приехали?

– К сожалению, сейчас они не в состоянии этого сделать.

– Это их обычное состояние, мистер Гарсия. – Клаудиа потерла бровь кончиками пальцев.

– Естественно. Им же приходится управлять целой, хоть и небольшой страной. Это весьма непростое занятие. – А чего она хотела? Еженедельных поездок? Насколько же узко-лобой нужно быть, чтобы такое требовать?

– Я заметила. За двадцать-то восемь лет трудно было не заметить. – Она все сильнее терла брови, словно снова пыталась себя наказать. И именно этим ей бы и следовало заняться.

Любая другая женщина на ее месте прыгала бы от восторга, доведись ей хоть кончиком пальца прикоснуться к той привилегированной жизни, которую эта так презрительно отвергала. Большинство лишь тщетно мечтает о неге и роскоши королевской жизни. Черт, да для некоторых просто сытная еда в кругу любящей семьи уже недостижимая мечта!

Так что же все-таки не так с этой женщиной? Ладно, не важно, не собирается он разгадывать ее загадки. У него есть конкретное задание и нужно его выполнять. А все остальное его не касается.

Слегка склонив голову, он бросился в бой. В конце концов, если бы он отступал перед первым же препятствием и отмалчивался на переговорах, ему никогда не удалось бы достигнуть своего настоящего положения. Правда, обычно он боролся с мужчинами, а не высокими упрямыми красотками.

– Невзирая на свои обязанности, они с нетерпением ждут с вами встречи.

Клаудиа громко вздохнула:

– Не сомневаюсь, но чего они от меня хотят?

Он с трудом сдержал рык:

– Они всего лишь хотят встретиться со своей дочерью. – Лукас не стал упоминать о торжествах, назначенных на пятидесятилетнюю годовщину свадьбы королевской четы. Вряд ли она чувствует себя уместно на подобных мероприятиях, да и вообще, похоже, не в силах расстаться со своей драгоценной лабораторией. Даже он уже успел разглядеть, что это личная белоснежная крепость ледяной девы.

– Я устрою с ними видеосвязь.

– Встретиться лично. Вживую.

Она фыркнула. Действительно фыркнула. И это леди? *Dios*, да он встречал верблюдов, которые вели себя куда более достойно и грациозно, чем эта принцесса.

– Не думаю, что это возможно. – Повернувшись к столу, она вновь принялась переключать бумажки и теревить манжеты халата.

Лукас прищурился: ей холодно или это она просто нервничает?

– Да и вообще, почему именно сейчас?

– На вид ты кажешься вполне умной женщиной, так неужели всерьез думаешь, что сможешь вечно избегать родных? – Неужели было так сложно ответить хоть на одно из посланных ей писем?

– Вернее сказать, что я на это надеюсь. – Раз вернувшись на каблуках, она снова на него посмотрела. – Мне очень жаль, мистер Гарсия, но, боюсь, вы напрасно сюда приехали. Я не собираюсь сейчас никуда ехать. Ни с вами, ни с кем бы то ни было еще.

Скрестив руки на груди, она позволила ему насладиться скрытыми под халатом приятными формами.

Его кровь миглом вскипела, как лава родной Арунтии.

– Боюсь, у вас нет выбора, – выплюнул он, злясь на собственную реакцию. – По сравнению с долгом и ответственностью личные желания – ничто.

Роскошные губы слегка приоткрылись, и Лукас невольно представил, как они ласкают его тело, а ее мягкие формы прижимаются к его крепким мышцам.

Физическое желание накрыло его столь мощной волной, что он сразу же почувствовал, как по позвоночнику стекают капельки пота, а вся кровь устремляется на юг, и...

Черт, да что с ним не так? Да в общем-то ничего такого, что не лечилось бы часом в женском обществе. Лишь бы женщина оказалась кем угодно, только не этой. Желательно голубоглазой блондинкой.

Dios, когда же он в последний раз отдавался чистому наслаждению без каких-либо серьезных отношений? Месяцы назад? Или годы? Неудивительно, что сейчас он в таком состоянии. Работая сутки напролет, можно еще и не до такого дойти.

Внезапный смех Клаудии оборвал поток его мыслей.

– Это шутка? Мистер Гарсия, я живу в свободной стране. Что вы можете сделать? Подхватить на плечо и унести силой? – Смех замер у нее на губах, а изящная рука метнулась к тонкой шее.

От непреодолимого желания заменить ее руку своей у него даже в пальцах закололо. Правда, он и сам бы не смог сказать, чего ему сейчас больше хотелось: приласкать или придушить?

Воздух так и звенел от напряжения.

Лукас приподнял бровь.

Клаудиа отшатнулась:

– Ты не посмеешь!

Не посмеет? Но она этого не знает. *Dios*, не зверь же он какой-то, хотя и успел всякого насмотреться.

Внезапное воспоминание заставило его содрогнуться, но он глубоко вдохнул и мгновенно заставил себя успокоиться.

– Я бы предпочел, чтобы ты пошла добровольно.

Клаудиа медленно покачала головой:

– Ни за что. Слушай, просто скажи им, что я все обдумала, хорошо?

Лукас улыбнулся. Выполнить ее просьбу не только невыполнимо, но просто невозможно. С пустыми руками он домой не вернется.

– Мистер Гарсия, мне нужно закончить работу.

Наконец-то. А он-то гадал, когда же работа всплывет в уравнении. Явная брешь в ее защите.

– Она очень важна, – продолжала Клаудиа.

Ничто не может быть важнее родины. А проведя всего десять минут в этом помещении, он уже ощущал себя лабораторной крысой.

Чувствуя, как самообладание вновь дает сбой, Лукас медленно и глубоко вдохнул... только для того, чтобы втянуть в себя странную смесь хлорки и незнакомых лекарств. Стерильная чистота давила на мозг так, что над верхней губой у него проступили капельки пота. Разве можно добровольно прятаться в этой клетке? Испытывая чистую, ничем не прикрытую потребность сбежать, Лукас до христа стиснул зубы.

Встряхнувшись и стыдясь собственной слабости, он шагнул к Клаудии:

– Может, ты и живешь в свободной стране, но долг перед родиной никто не отменял. Работа никуда не денется, но прямо сейчас ты нужна своей семье. Максимум три недели, и дальше делай что пожелаешь. Это все, о чем они просят.

– Все, о чем они просят? – вспыхнула Клаудиа. – А с какой стати я вообще обязана что-то для них делать?

Потерев затылок, Лукас с трудом справился с желанием боднуть стену.

– Твой эгоизм просто зашкаливает. Неужели ты ни на йоту не чувствуешь...

– Мистер Гарсия, здесь у меня тоже есть определенные обязательства. Целые чашки Петри, полные обязательств. – Она указала на полки, заставленные склянками и плоскими с какой-то слизью.

Приподняв бровь, он снова посмотрел на Клаудию, выставившую перед собой испачканную чернилами руку.

– Я не жду, что вы сможете оценить мою работу, – объявила она с язвительным презрением.

Только вот Лукас отлично знал, чем она занимается, и потому не обратил внимания на глупое оскорбление. Раз ей так нравится, пусть считает его ниже себя. Мнение такой безответственной эгоистки его в любом случае не волнует, но позже оно еще сможет сыграть ему на руку. И пусть он и понимал ее мотивы, но никак не мог согласиться с ее приоритетами.

– И вообще, – продолжила она, срывая очки и обжигая взглядом янтарных глаз, – совсем не обязательно расхаживать здесь, как какое-то загнанное в клетку животное, обдумывая следующий ход. Я уже все их видела, и на меня они не действуют.

Просто поразительно. У Лукаса едва челюсть не отвисла. Она дерется, как настоящий воин. С таким отпором он еще никогда не встречался и никогда ничего подобного не чувствовал. Никогда не чувствовал дикой потребности сжать женщину в объятиях и зацеловать до потери чувств.

Он пристально всмотрелся в безупречное лицо и яркие глаза, что смотрели на него с какой-то непонятной мольбой. Но чего же они хотели? Понимания? Или просто чтобы их хозяйку оставили в покое?

Но от него она не получит ни того ни другого.

В его словаре нет таких слов, как провал и неудача. Вся его жизнь выстроена на чести, долге и стремлении защищать. И ничто и никогда не заставят его отступить от раз и навсегда выбранной тропы. Даже самая прекрасная в мире эгоистка.

Но раз она не хочет идти по-хорошему, придется менять тактику и усилить давление. Потому что хочет она того или нет, но уже этим вечером она будет на пути к Арунтии.

Глава 2

Кажется, именно четвертая по счету няня не велела ей играть с огнем. Но при всем желании у нее не получалось вспомнить, чтобы ее предупреждали не дразнить диких зверей. Клаудиа осторожно отступила назад.

Стоя всего в полутора метрах, Лукас буквально впился в нее синими глазами, явно готовый в любую минуту забросить ее на плечо и увезти с собой силой. Стараясь не обращать внимания на совершенно неуместное возбуждение, вызванное этой мыслью, Клаудиа постаралась сосредоточиться.

Лукас всего лишь копия ее родителей, и все его мысли крутятся исключительно вокруг драгоценной родины, долга и ответственности. И никого из них совершенно не интересуют ее желания и потребности.

Так с какой стати ей хоть что-то для них делать? Что они сами для нее сделали, не считая того, что выслали в чужую страну и бросили? Ей же было всего двенадцать, и она с трудом ходила из-за тяжелой болезни, сделавшей ее настолько неприглядной, что родные поспешили спрятать ее куда подальше. А она, оторванная от всего и всех, плакала ночи напролет. От страха и одиночества.

Тряхнув головой, Клаудиа снова взялась за разбросанные по столу бумаги, надеясь, что незванный гость не сумеет разгадать ее состояние.

– Мистер Гарсия, я бы предпочла, чтобы вы ушли. – Лист в руках дрожал еще сильнее голоса. – Пожалуйста, просто уходи.

– Ваше королевское высочество, вы просите о невозможном.

Бархатистый голос голодной кошкой лизнул ее и так уже взведенные до предела нервы. И от этого она возненавидела его еще сильнее.

Клаудиа крепко уперлась руками в стол.

Похоже, этот человек вполне способен потягаться в стойкости с Биг-Беном, и она уже буквально слышала глухие удары, отсчитывающие оставшееся ей время.

Ну о чем она сейчас думает? Они же уже и раньше за ней присылали, но она всегда легко избавлялась от докучливых посланцев, избавится и теперь.

Последний раз ее лишили всякой финансовой поддержки, но она лишь пожала плечами и съехала из роскошных апартаментов с видом на Темзу, перебравшись в скромную студию, где впервые по-настоящему ощутила вкус свободы и независимости.

Расправив плечи, Клаудиа снова посмотрела на Лукаса, как раз вовремя, чтобы проследить, как длинные пальцы отбрасывают с лица слишком длинные волосы. Внутри ее снова полыхнул огонь. Черт, наверное, все дело в жгучей смеси раздражения и недовольства!

– И пожалуйста, не называйте меня ничем королевским. Я отлично понимаю, чего вы пытаетесь добиться, но на мне это не работает.

– Независимо от ваших желаний, это ваш официальный титул. Так, может, пора уже смириться с неизбежным и вести себя в соответствии со своим статусом?

– Вести себя соответствующим образом? Я всегда вела себя именно так, как от меня и ждали. И самое главное, не создавала шуму, который мог бы докатиться до берегов Арунтии и смутить или опозорить родителей. – Она всегда считала это огромным достижением и тяжело ради этого трудилась, но ему об этом знать не обязательно.

Судя по взгляду, ей не удалось произвести на Лукаса впечатление.

– А еще у меня есть две сестры. – Клаудиа без жалостно подавила в себе тоску и детскую привязанность, заставлявшую ее искать в Интернете любые обрывки информации, просто чтобы убедиться, что с ними все хорошо. Если верить тысячам гламурных фотографий и броских статей, у сестер дела идут не только хорошо, но и вовсе замечательно. И они-

то уж, по крайней мере, полностью оправдали возложенные на них ожидания и выросли истинными представительницами королевской семьи. – Так что родителям я без надобности. – И это к лучшему. От одной мысли о жизни во дворце у всех на виду по жилам растекался липкий страх. – Да я так же далека от роли принцессы, как ты от прекрасного принца!

Кашлянув в кулак, Лукас потер подбородок:

– Я заметил. – Он продолжал пристально ее разглядывать, словно искал в ее лице ответ на повисший в воздухе вопрос.

Ну и ладно. Уж она-то ему точно ничего не должна, так что пусть думает о ней все, что хочет.

Лукас задумался, и его лицо сразу же слегка смягчилось, и Клаудиа мгновенно обратила внимание на длинные густые ресницы, обрамлявшие темно-синие глаза.

– И какое же обращение ты предпочитаешь?

Моргнув, Клаудиа постаралась вспомнить, о чем они, собственно, говорили.

– Лучше всего просто Клаудиа.

– Хорошо, Просто Клаудиа.

У нее разом закружилась голова. Знойный акцент словно поцелуем прошелся по ее имени.

Словно поцелуем?

Она слегка качнула головой. Всего двадцать минут в его обществе – и ее мозг уже растекался лужицей. Как при посещении благотворительной акции в книжном магазине, где ей в руки случайно попал любовный роман.

Вот только она всегда предпочитала строить свою жизнь вокруг фактов и научных доказательств.

Глупо что-то воображать, забывая, что, если бы они случайно встретились на улице, Лукас Гарсия не удостоил бы ее и секундным взглядом. Смешно думать, что между ними может существовать хоть какое-то взаимное притяжение. Она же совершенно не умеет общаться с людьми, да еще и внешность... Они принадлежат разным мирам. Точнее, будут принадлежать, как только ей удастся от него избавиться.

Вот только судя по тому, как длинные пальцы расстегнули верхнюю пуговицу серого пиджака, сам Лукас никуда уходить не торопился. Потянувшись, он огляделся по сторонам и направился к висевшим на стене сертификатам и дипломам.

– Ты, я так понимаю, биохимик?

Завороженно следя за столь редко встречающейся у крупных мужчин плавной походкой, Клаудиа кивнула. Во рту было так сухо, что она не смогла вымолвить ни слова.

– И чем конкретно ты занимаешься?

Ему это действительно интересно? Она тихо фыркнула. Конечно, ему интересно. Его работа в том и состоит, чтобы интересоваться такими вещами.

– Сейчас я изучаю детское аутоиммунное заболевание и разрабатываю препарат, способный снизить побочные эффекты, ну и само лекарство, разумеется. – Стоило ей лишь подумать о детях, страдающих от той же болезни, что и у нее когда-то, как ее жизнь сразу же приобретала смысл. У нее есть конкретная цель, и она не просто сидит с хорошенькой мордашкой, перерезает ленточки на балах и щебечет с иностранными вельможами.

Лукас замер у самой большой рамки с дипломом.

– Работа очень много для тебя значит.

Он осторожно провел пальцем по буквам ее имени, и Клаудиа невольно вздрогнула, словно он внезапно приласкал ее саму.

Сама того не заметив, она провела пальцами по губам, гадая, каким бы оказалось прикосновение его больших рук.

– Работа для меня все, мистер Гарсия, – выдохнула она мягко, внезапно осознав, что он в принципе не способен понять ее нежелание возвращаться домой. «Твой эгоизм просто зашкаливает». С его точки зрения, она ведет себя глупо и совершенно неразумно. И почему-то от одной этой мысли ей сразу же стало очень плохо и захотелось все ему объяснить. Но что она тогда увидит в его прекрасных глазах? Жалость или насмешку?

– В данных обстоятельствах это легко понять.

Неужели он знает?

– Заболевание, которое ты изучаешь, – это ювенальный дерматомиозит?

– Да, только странно, что ты вообще слышал о такой редкой болезни. – И поэтому ей без конца приходилось бороться за финансирование. Подозрение липкими пальцами стиснуло ей горло. – Родители все тебе рассказали?

– Нет.

Всего одно короткое и острое, словно скальпель, слово. И столь же зловещее.

Клаудиа нахмурилась. Он специально недоговаривает?

Пристально оглядев последний сертификат, Лукас наконец-то начал разворачиваться на каблуках, и Клаудиа мгновенно постаралась придать лицу спокойное безразличное выражение. Но, несмотря на все усилия, глаза сразу же выдали ее состояние.

– Так же как и ты, я серьезно отношусь к работе и всегда собираю необходимую информацию.

Проще говоря, он все знает. Или почти все. Он не в том положении, чтобы получить полную историю ее болезни.

– Значит, ты понимаешь мои мотивы?

– Мотивы я понимаю, но не понимаю, почему ты так упрямо отказываешься съездить домой. Ты отговариваешься работой, но, к счастью, я был готов к любым возможным препятствиям.

Борясь с паникой, Клаудиа закусил губу.

– И именно поэтому, – продолжал Лукас, – мое утро началось с разговора с твоим непосредственным начальником, мистером Райаном Тейтом.

Живот свело с такой силой, что Клаудиа всерьез испугалась, что съеденные на завтрак хлопья полезут наружу. Но даже это не помешало ей трезво мыслить.

– Так вот как ты сюда попал!

– Именно.

– Да как ты смеешь?.. – Поперхнувшись от возмущения, она замолчала, глубоко вдохнула и начала сначала: – Да как ты смеешь так бесцеремонно врывать в мою жизнь? Ты хоть представляешь, что должно было обсуждаться на этой встрече?

– Я спросил, можешь ли ты взять отпуск, и он сказал, что да.

«Бог...»

– Я спросил, мешает ли тебе что-нибудь прямо сейчас вернуться на родину, и он сказал, что да. Он сказал, что у тебя есть пять дней, чтобы поднять дополнительное финансирование, или твой проект закроют.

«Ты...»

– Я спросил, могу ли я что-нибудь сделать, что бы сдвинуть сроки, чтобы ты смогла съездить до мой, и он сказал, что да.

«Мой».

Как же серьезно она недооценила этого человека!

Старательно контролируя голос, она выдохнула:

– Я же сразу спросила, связано ли твоё появление с собранием спонсоров. И пусть ты прямо и не соврал, но намеренно скрыл важную для меня информацию. Зачем?

– Я надеялся, что мы придем к соглашению без необходимости...

– Угроз и вымогательства?

Как этот человек может сохранять ледяное спокойствие, когда ее саму уже трясет от злости и страха?

– Ничего личного, Клаудиа.

– Но ты сам сделал все это весьма личным! – Черт, нужно срочно взять себя в руки. Не хватало еще расплакаться у него на глазах.

Лукас впервые отвел взгляд:

– Так тебе нужны деньги, чтобы закончить проект, или нет?

– Раз ты уже все обсудил с Тейтом, то отлично знаешь, что нужны.

– Тогда считай, что мы обменяемся одолжениями.

– Одолжениями? Да о чем вы там без меня договорились? – Глупый, глупый вопрос, но она должна знать.

– Я сообщил мистеру Тейту, что готов предоставить недостающие три с половиной миллиона фунтов, разумеется, на определенных условиях. И принимать их или нет, зависит лишь от тебя одной.

– Ты... Ты... – Лаборатория разом закружилась у нее перед глазами. Нет. Нет! Она ни за что туда не вернется. – Значит, мне придется отыскать другой источник финансирования. – Или все-таки принять деньги? Она годами мучилась из-за того, что родители ее бросили, так почему бы не позволить им сделать хоть это? Но готова ли она расплатиться за деньги своим сердцем? А заодно и тяжело заработанной независимостью и остатками гордости? – Я не продаюсь.

Лукас сжал зубы:

– Тогда мне остается лишь уйти, и тебе придется самой объясняться с Тейтом. Надеюсь, ты понимаешь, что за оставшееся время ни ты, ни он уже не успеете отыскать столь крупную сумму. И я за этим прослежу. Так скажи мне, Клаудиа, насколько важна твоя работа?

Схватившись за стол, она все же сумела устоять на ногах. Разве можно быть настолько безжалостным и бессердечным? Он знает, как важны для нее эти исследования, и понимает, насколько близко она все воспринимает. И все равно, и глазом не моргнув, готов ее шантажировать! Наверное, ей следовало бы его возненавидеть, но чувствовала она лишь разочарование. В них обоих. И особенно в себе самой. Что ж, она навсегда запомнит урок и отныне будет знать цену физическому влечению. Только чему она удивляется? Тело же с десяти лет без конца ее подводило. Подвело и на этот раз.

– И что же у тебя за условия? – спросила она, гордясь ровным голосом.

– Трехнедельный отпуск с девяти утра сегодняшнего дня и поездка в Арунтию.

Клаудиа медленно покачала головой:

– У тебя совсем совести нет?

– У меня есть долг. Так же как и у тебя. Выбор за тобой.

Глава 3

Всего час назад она молила о чуде, и боги, словно в насмешку, прислали готового стереть ее в порошок воина.

Но как бы все ни сложилось, он ни за что не увидит ее слез.

Три недели в обмен на три с половиной миллиона фунтов.

Глубоко и медленно дыша, Клаудиа разглядывала шантажировавшего ее высокого и сильного, словно гладиатор, мужчину, что замер посреди лаборатории. Если бы она так сильно его не ненавидела, она бы растеклась в лужицу от одного взгляда на такое великолепие.

– Выбор? – К счастью, голос и на этот раз ее не подвел. – Этот так называемый выбор сводится к тому, чтобы безропотно следовать твоим указаниям или лишиться работы. – Что-то ей подсказывало, что, сколько бы она ни умоляла Райана Тейта дать ей еще немного времени, чтобы отыскать иной источник финансирования, из этого все равно ни чего не получится. Не зря же Тейт славился своей твердолобостью. Но как же сложно проглотить гордость и убедить себя, что дареному коню в зубы не смотрят... – Но ты же и так это отлично понимаешь, верно?

Пристально на нее посмотрев, Лукас расправил плечи, но так ничего и не ответил. И от этого она лишь еще больше разозлилась:

– Да кем ты себя вообще возомнил? Пришел к Тейту, даже со мной не поговорив... Именно к та кой жизни, по-твоему, я и должна стремиться? Чтобы мне без конца приказывали, указывали и заставляли что-то делать, совершенно не интересуясь моим собственным мнением?

– С каких пор три недели равняются всей жизни?

Три недели. А что от нее потребуют потом?

Наверное, об этом вообще лучше не думать.

– С тех самых, как ты дал мне отведать нового режима!

Лукас устало потер лицо.

– Клаудиа, – прорычал он, – я всего лишь пытаюсь выполнить свою работу, но твое упрямство не оставляет мне выбора! Так почему бы вместо того, чтобы сокрушаться, как такое вообще могло случиться, не сосредоточиться на том, чтобы получить максимум выгоды от сложившегося положения? Если точнее – три с половиной миллиона выгоды.

– Но во что это обойдется мне? – выдохнула она – и сразу же закусил губу.

– Всего лишь в три недели твоего времени.

Клаудиа нервно рассмеялась. Как же он ошибается, даже не представляя ту цену, которую ей придется заплатить. Но пусть он и не представляет, что творится у нее в душе, это его все равно не оправдывает. Работа для нее необычайно важна, но это не значит, что она позволит так просто себя шантажировать.

– Ты говоришь, что работа для тебя важнее всего, но, если бы это действительно было так, ты бы, не задумываясь, приняла деньги. Или же ты всего лишь используешь работу в качестве удобной отговорки?

– Нет!

Удивленный ее вспышкой, Лукас слегка отступил назад.

– Нет, – добавила она уже тише, но сразу же поняла, что поздно что-то объяснять.

Когда в позднем подростковом возрасте симптомы болезни наконец-то отступили, родители пару раз ее навещали. А потом лишь присылали посланцев, но она всегда отвергала любые предложения, будь то короткая поездка или простой ужин, отговариваясь работой. Она избегала родителей, которые ее отвергли, бросили и причинили боль тогда, когда

она отчаянно в них нуждалась. И если она теперь примет их деньги, сама даст им власть снова себя разрушить.

Три недели неизвестности в обмен на финансирование проекта.

Медленно вдохнув, Клаудиа крепко зажмурилась, но перед ее мысленным взором сразу же вспыхнули давние видения.

Арунтия, страна, в которой она никому не нужна и ничего не стоит.

И детская больница Святого Эндрю, в которой она может совершить настоящий прорыв, и дети, которые, несмотря на боль и отчаяние, все же пытаются улыбаться. Если она лишится работы, они так и не дождутся своего лекарства. Она их единственная надежда. Она нужна им. Но сможет ли она еще хоть раз взглянуть им в глаза, зная, что не сумела помочь просто потому, что побоялась столкнуться лицом к лицу с прошлым?

Резко распахнув глаза, она поймала на себе взгляд Лукаса, пристально рассматривающего ее закушенную губу, и разом покрылась гусиной кожей. Зачем он так на нее смотрит? И хуже всего, что под этим взглядом она совершенно перестает себя контролировать и начинает мечтать о чем-то смутном и непонятном. А еще без конца теребит одежду и вообще хочет спрятаться куда-нибудь подальше. Только это не выход.

Потерев лицо, Лукас снова откинул со лба густые волосы, и Клаудиа сразу же почувствовала, как по телу разливается новая волна жара, а грудь наливается сладкой тяжестью.

Что ж, похоже, тело еще не успело осознать, что этот человек ей абсолютно ненавистен.

– Поехали со мной в Арунтию, Клаудиа, – протянул он таким тоном, что она вся задрожала. Ну и как ей мыслить разумно в обществе человека, рядом с которым тело решительно отказывается ей повиноваться? – Что бы ты там ни думала, я отлично понимаю твоё желание разгадать затронувшую тебя саму болезнь, но почему бы тебе просто не продолжить работать из дома? При поддержке семьи?

Поддержке? Она чуть не поперхнулась. Родительская поддержка – это последнее, на что она может рассчитывать.

Заметив, что Лукас пристально разглядывает ее руки, она поняла, что бессознательно теребит манжеты, и в очередной раз отогнала настойчиво всплывающие в уме картинки, где длинные мужские пальцы ласкали ее в самых чувствительных местах...

У нее разом вспыхнули щеки.

Да сколько можно!

Ее жизнь и работа рушатся прямо на глазах, утекая песком сквозь пальцы, а она мечтает лишь о поцелуях ненавистного ей мужчины. Похоже, пришла пора всерьез задуматься о способностях собственного разума.

Не в силах больше оставаться на месте, Клаудиа стремительно бросилась к двери, совершенно не задумываясь, куда, собственно, направляется. Куда угодно, лишь бы подальше от Лукаса.

Только он не собирался так просто сдаваться.

– Клаудиа, *Dios!* – Он поймал ее за руку. – Стой, не уходи. Мы еще не договорили.

Резко отшатнувшись, она чуть не упала, но железная рука удержала ее на ногах. Снова зажмурившись, Клаудиа опустила голову, боясь взглянуть ему в глаза. Боясь и не зная, что в них увидит. Жалость? Или отвращение?

Даже сквозь одежду чувствуя жар его ладони, она глубоко вдохнула исходивший от него аромат крепкого кофе. Как только она удержала равновесие, мужская рука сразу же ее отпустила. И Клаудиа вдруг с ужасом поняла, что ей уже не хватает этого прикосновения.

Лукас откашлялся, и она по звуку поняла, что он отстранился на пару шагов, и лишь тогда набралась смелости приоткрыть глаза, убедившись, что он действительно замер в метре от нее.

– Клаудиа, куда ты направляешься?

– К Райану Тейту. – Она едва ли не бегом бросилась к двери, радуясь, что все же сумела придумать подходящую отговорку.

– Что? – услышала она, уже находясь в коридоре. – Подожди! Нам нужно договорить. Прямо сейчас.

– Катись ты к черту.

Не останавливаясь, она продолжала идти на негнущихся ногах, не обращая внимания на застилавший глаза туман, и, сама того не заметив, уже через пару минут действительно оказалась перед дверью Тейта.

Застыв с занесенной для стука рукой, она постояла так несколько секунд, а потом глубоко вдохнула, резко повернулась и, чтобы не упасть, прижалась спиной к стене.

«Да ладно тебе. Всего три недели. В обмен на три с половиной миллиона фунтов. Просто держи дистанцию. Не приближайся к Лукасу Опустошителю. Ты обязательно справишься».

Нужно только оставаться сильной и положиться лишь на себя. На одну себя и никого больше.

Если не сблизиться, больно не будет.

А теперь дыши, Клаудиа, просто дыши».

Время шло, и она наконец-то нашла в себе силы подняться, глубоко вдохнуть и постучать в дверь.

– Клаудиа, дорогая, у тебя хорошие новости? Я угадал?

Спрятавшись за привычной маской, Клаудиа улыбнулась и кивнула.

Чувствуя, как по позвоночнику течет пот, Лукас огляделся по сторонам и глубоко вдохнул, срочно придумывая новый план. И первым делом нужно побыстрее выбраться из этой белой коробки. Может, Клаудии и нравится ее драгоценное убежище, но ему, чтобы чувствовать себя живым, нужно открытое пространство. Много открытого пространства.

Вот только в обществе норовистой принцессы он почти не обращал внимания на давившие на голову стены. Наверное, потому, что глаз отвести не мог от этой самой принцессы.

Интересно, она действительно побежала к Тейту и теперь молит его об отсрочке? *Dios*, он еще ни разу в жизни не встречал такой несуразной, склочной, эгоцентричной, и при этом роскошной женщины.

А еще она явно с первого же взгляда возненавидела его всем сердцем, и за все время разговора он буквально чувствовал, как на него льются потоки бесконечного отвращения. Черт, только дурак мог явиться сюда без надлежащего оружия, но он честно хотел решить дело миром. Но ее упрямая неблагодарность просто не оставила ему выбора.

Только вот стоило ему раскрыть карты, как у него сразу же заболел живот, словно она с размаху его пнула. И как ей только удалось вызвать у него столько чувств? Он же знал, что она лишь эгоистично преследует собственные интересы и тем самым толкает его на решительные действия. Очень странно. Это нервирует. И совершенно неуместно. Потому что он зарыл чувства и ожесточил сердце еще двадцать лет назад. И предпочел бы, чтобы именно так все и оставалось.

Посмотрев на руки, Лукас крепко стиснул кулаки, до сих пор ощущая тепло и пленительную мягкость ее руки. И ее запах, *Dios*, запах лета, запах цветущей ванили и меда. Она была так близко... Такая прекрасная... Вот только из-за переполнявшей ее ненависти она даже не могла на него смотреть и крепко зажмурилась. Ну и замечательно. Его работа состоит в том, чтобы доставить ее домой, а не в том, чтобы кому-то нравиться.

– Почему ты все еще здесь?

Внутри его что-то дрогнуло, но он продолжал сосредоточенно разглядывать завидную коллекцию пробирок. И почему только ее голос кажется таким сексуальным? С чего его

вдруг заводят менторские интонации? У него же в жизни не было учительницы, да и с чего бы, ведь детям из трущоб такая роскошь, как образование, вовсе не полагается. Никаких книг, тетрадок и карандашей, только грязные стены, табак, кровавые кулаки и ржавые ножи.

– Потому что не захотел катиться к черту. – Чего он там не видел?

– Понятно.

Обернувшись, он заметил, как она слегка приподняла бровь, и разглядел в ее глазах огонь целеустремленности, которого там раньше не было.

– Ты же знал, что я вернусь, верно?

– Скажем, я верил, что голос разума победит. – Пусть она практически признала, что работа всего лишь отговорка, он все равно верил, что она любит свое дело. И эта преданность работе стоила того, чтобы ею восхищаться, только Лукас никак не мог понять, почему она не распространяется на ее роль в жизни родной страны.

– Не могу понять, это дипломатичность или надменность?

– Решай сама.

Надев очки, она прошла по лаборатории, гордо выпрямив спину, и Лукас невольно представил заманчивую картинку: Клаудиа Верболт уверенно вышагивает по подиуму в блузке с пышными рукавами и твидовой юбке, соблазнительно посасывая карандаш. Обольстительная учительница.

Кровь разом устремилась к паху, а во рту стало сухо, как в родной Арунтии.

– Самолет ждет, будь готова через два часа. – Всего через пять часов он выполнит задание, доставив ее во дворец, а потом станет с ней встречаться лишь на торжественных мероприятиях, но к тому времени он уже успеет удовлетворить внезапно разыгравшийся сексуальный голод и перестанет без конца воображать обнаженное золотистое тело. Мягкое, податливое и отлично сочетающееся с его твердыми мышцами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.